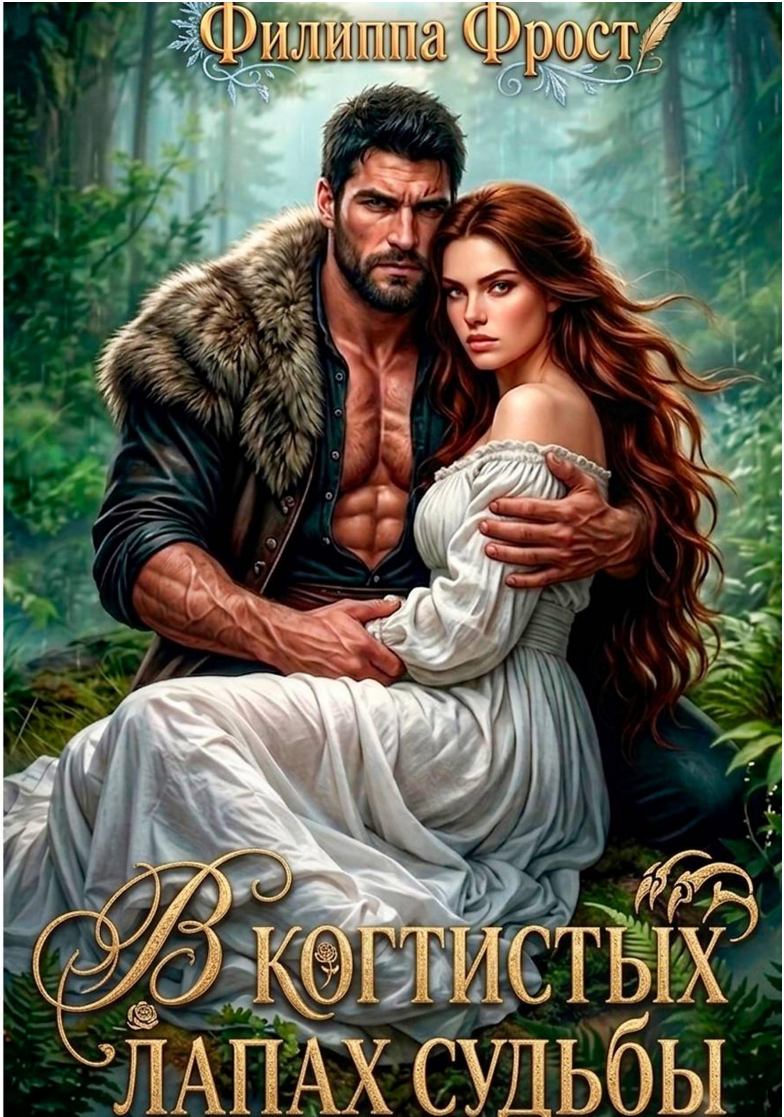
Филиппа Фрост
В когтистых лапах судьбы

Филиппа Фрост
В когтистых лапах судьбы

https://litres.ru/75028174
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга про оборотней с полки буккроссинга была нужна мне только на один вечер — почитать перед сном и посмеяться над дешёвыми штампами, где каждый поворот угадывается за десять страниц. Я захлопнула её ровно на середине и уснула.

А проснулась уже на её страницах.

Теперь моё имя — Лидия, я местная травница, а вокруг раскинулся мир, которого никогда не существовало за пределами бумажного переплёта. И первое, что я увидела, открыв глаза — его. Того самого книжного Альфу. Он стоял рядом и смотрел на меня с такой жадной нежностью, словно искал меня всю свою жизнь.

Здравый смысл кричит, что нужно бояться и бежать без оглядки. Но стоит ему коснуться моей кожи, как я забываю, как дышать. Рядом с ним стираются все воспоминания о прошлой жизни. Его низкий голос пробирает до дрожи, а от прикосновений внутри всё вспыхивает и сгорает дотла.

Я понятия не имею, как найти дорогу домой. Но с каждым его взглядом и каждым движением рук мне всё меньше хочется её искать.

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 12
Глава 3. 21
Глава 4. 30
Глава 5. 39
Глава 6. 48
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Филиппа Фрост
В когтистых лапах судьбы

Глава 1.

Дождь барабанил по стеклу. Я смотрела на мутные разводы, стекающие по оконному стеклу, и чувствовала, как медленно уходит напряжение этой недели. Пятница. Наконец-то. Завтра можно будет спать до обеда, никуда не спешить, ничего не делать. Я выдохнула и откинулась на спинку дивана, чувствуя, как плечи опускаются, будто с них сняли тяжёлый груз.

В квартире было темно, только настольная лампа горела мягким жёлтым светом. Он выхватывал из темноты край столика, кружку с чаем, мои руки, лежащие на подлокотнике. Я люблю такой свет — тёплый, живой, не режущий глаза. В нём нет ничего от больничных коридоров или офисных ламп, от которых к вечеру начинала болеть голова. Этот свет был уютным. Домашним. Настоящим.

Я взяла с подлокотника книгу и покрутила её в руках. Сегодня я зашла в кофейню за капучино и случайно наткнулась на полку буккросинга. Среди потрёпанных детективов и старых романов стояла она. Как будто ждала меня. Твёрдая обложка, тёмно-бордовый фон, чёрный волк с жёлтыми

глазами. Я не знаю, почему взяла её. Просто... рука потянулась сама.

«В когтистых лапах судьбы».

Золотые буквы на обложке. Ни издательства, ни аннотации, ни имени автора. Как будто кто-то напечатал книгу в подвале и решил, что мир должен её увидеть. Но обложка красивая, и я хотела чего-то лёгкого. Глупого. Романтичного. Чтобы отключить мозг на вечер.

Я оставила вместо неё «Графиню де Монсоро». Дюма был хорош, но я перечитывала его трижды. Кто-то обрадуется.

Я отхлебнула мятный чай и открыла книгу.

Бумага была необычной — шероховатой, будто её делали вручную. Шрифт тоже удивил: буквы вытянутые, с острыми краями, как в старых рукописях. И запах. Он шёл от страниц — травяной, влажный, как в лесу после дождя. Я вдохнула глубже, и на секунду мне показалось, что я сижу не в квартире, а в самой чаще, слышу запах мокрой коры и хвои. Странно. Но приятно.

Я перевернула страницу и начала читать.

Героиню звали Лидией. Ей было двадцать пять, и она была травницей. Её родители умерли, когда она была маленькой, и её воспитала старая знахарка, которая научила её всему, что знала сама. Теперь Лидия жила в маленькой лавке, где на деревянных полках стояли банки с сухими травами, кореньями, настоями. Она принимала людей, которые не могли позволить себе лекарей или боялись их. Она ставила ком-

прессы, заваривала чаи, промывала раны. И люди шли к ней — потому что её травы помогали, а она не брала лишнего.

Я усмехнулась и отпила чай.

— Классика. Сирота, одиночка, никому не нужна. Идеальный образ для любовного романа.

Город был старым, каменным, с узкими улочками и грязными рынками. Лекари здесь брали дорого, а она — сколько дадут. Иногда серебром, иногда хлебом, иногда просто добрым словом. К ней шли с больными детьми, с загноившимися ранами, с лихорадкой и кашлем. Её знали. Уважали. Не боялись.

И однажды в лавку вошёл он.

Я задержала дыхание, пробегая глазами строчку.

Он был высоким. Очень высоким — под потолок, широким в плечах, с руками, которые явно знали, что такое вес и сила. Лицо грубое, резкое, скулы острые, подбородок тяжёлый. Не красавец в книжном смысле — никаких «точеных черт» и «аристократической бледности». Он был просто... опасным. Как человек, который привык, что его боятся.

— Ого, — пробормотала я. — Тут без розовых соплей. Интересно.

Он зашёл не за травами. Ему нужна была помощь. На правом боку, под ребрами, зияла рана — глубокая, рваная, похожая на укус зверя. Кровь проступала сквозь грязную повязку, которую он прижимал ладонью. Лидия заметила это сразу, но ни о чём не спросила. Она знала: такие люди не

любят вопросов.

Он не сказал ни слова. Просто вошёл, опустился на табурет у стены и уставился на неё жёлтыми глазами. Она замерла на мгновение — никогда раньше не видела такого цвета. Светлые, почти янтарные, и смотрели они так, будто видели её насквозь. Странно. Но она заставила себя не пялиться. Раненому нужна была помощь, а не любопытство.

Я хмыкнула.

— Она что, не поняла, что это оборотень? — спросила я у пустоты. — Ну ладно, допустим, она не знала этого мира. Она просто травница.

Лидия молча взяла нож, чистые тряпки и настойку для обеззараживания. Она смочила ткань, осторожно промыла края раны, приложила компресс из подорожника и календулы. Когда зашивала — игла входила в кожу мягко, привычно, — он не издал ни звука. Даже не вздрогнул. Только смотрел. Всё время, пока она работала. Не на руки. В лицо. Она чувствовала его взгляд на себе, как чужое прикосновение, и старалась дышать ровнее, не показывать, что ей не по себе.

Когда она закончила и завязала последний узел, он поднялся и посмотрел на неё сверху вниз.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Лидия, — ответила она.

Он кивнул, заплатил и ушёл. Ни слова благодарности. Просто исчез за дверью.

Лидия выдохнула. Она думала, что больше не увидит его.

Я усмехнулась и отпила остывший чай.

— Ну да. Конечно. Через пять страниц он будет поджидать её и говорить «ты моя». Я знаю этот сюжет.

Я перелистнула страницу.

Через неделю она пошла в лес за травами. Дело привычное — каждое воскресенье она брала корзинку и нож и уходила в чащу за новыми запасами. Лес был её вторым домом. Она знала, где прячется зверобой, где разрастается мята, а где — ядовитые грибы. Тишина и запах мокрой коры — вот что она любила больше всего в этом мире.

Но в этот раз что-то было не так.

Сначала тишина. Слишком глубокая, слишком плотная. Ни птиц, ни ветра, ни шороха листьев под ногами. Лес замер. Лидия остановилась, прислушалась. Только её собственное сердце стучало в груди, и этот стук казался слишком громким в мёртвой тишине.

А потом раздался вой.

Низкий, долгий, от которого волосы встали дыбом. Он был далеко, но Лидия сразу поняла — это не волк. Это что-то другое. Что-то, что не должно водиться в этих лесах.

Я поставила кружку на столик и нахмурилась.

Почему-то мне стало не по себе, хотя я читала сотни таких сцен. Может быть, потому что текст был слишком живым. Слишком подробным. Как будто я не читала, а сама стояла в том лесу, слышала этот вой и чувствовала, как внутри всё сжимается от животного ужаса.

Лидия побежала. Не думая, не выбирая дороги — просто ноги сами понесли её прочь. Лес мелькал перед глазами, ветки хлестали по лицу и рукам, оставляя красные полосы. Она спотыкалась о корни, но падала и снова вставала, слыша, как где-то за спиной трещат кусты. Кто-то огромный шёл за ней. Тяжело, не торопясь, как будто знал, что она никуда не денется.

Она не знала, куда бежать. Лес вдруг стал чужим. Тропинки вели в тупики. Деревья смыкались за спиной. Она кружила, сбивалась с пути и понимала, что он гонит её туда, куда хочет он.

Лидия выбежала на поляну и в последний миг успела увидеть серую гладь камня, прежде чем удариться о неё. Воздух вышибло из лёгких, она сползла по холодной поверхности и прижалась к ней, пытаясь отдышаться.

Тупик. Никакого выхода.

Она подняла голову и уставилась в темноту леса, откуда он должен был появиться. Ждать пришлось недолго.

Тени сгустились, и из них вышел он. Медленно, с ленцой сытого хищника. В лунном свете, пробивающемся сквозь кроны, она увидела его целиком. Чёрная жёсткая шерсть покрывала плечи и грудь, клыки торчали из-под верхней губы, глаза горели тем же жёлтым огнём, который она запомнила в лавке. Он был огромным, таким огромным, что не вписывался в человеческие представления о размере. Он занимал собой всё пространство между деревьями.

Он смотрел на неё. И ждал.

Лидия вжалась в камень, чувствуя, как холод пробирает сквозь одежду. Она не могла отвести взгляд от этих глаз. Она не могла дышать. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвётся.

Девушка закрыла глаза. И приготовилась умереть.

Но вместо смерти она услышала голос. Низкий, хриплый, почти ласковый:

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Я фыркнула и захлопнула книгу.

— Ну конечно. Не причинит он ей вреда. Сейчас начнётся: «ты моя избранная», «я тебя искал». И она покраснеет и растает. И они будут жить долго и счастливо. Конец.

Я отложила книгу на столик, зевнула, потянулась. За окном уже было совсем темно, дождь всё шумел, убаюкивая.

— Завтра дочитаю, — сказала я себе. — А то сейчас буду смеяться до утра.

Я погасила лампу и укуталась в плед. Глаза закрывались сами собой. Дождь шелестел, в комнате было тепло, и сон наваливался медленно, как тёплая волна.

Но перед тем как провалиться, я подумала: «Интересно, как бы я себя вела на её месте? Сидела бы в офисе, разбирала бы бумаги... А тут бежишь по лесу от волка. Бред».

«Она бежала, чувствуя его дыхание на шее» — крутилось в голове.

Я улыбнулась сквозь сон и прошептала:

— Беги, дура. Беги, пока он не догнал.
И провалилась в сон.

Глава 2.

Я открыла глаза.

Первое, что я увидела, — небо. Серое, низкое, тяжёлое. Оно нависало надо мной, давило, и я моргнула, пытаясь понять, почему вижу не потолок, а тучи.

Ледяной ветер дул в лицо. Я лежала на земле — мокрой, жёсткой, пахнущей прелыми листьями. Холод пробирался сквозь одежду, и я чувствовала, как стучат зубы. Я никогда не знала такого холода.

Боль пришла мгновением позже — я попыталась пошевелиться, и левую ногу пронзило огнём. Я опустила глаза и увидела разодранную кожу, кровь, стекающую по икре, и грязь, забившуюся в раны. Я не помнила, чтобы падала. Не знала, где поранилась. Но раны были.

Я резко села. Голова закружилась, мир качнулся, деревья поплыли перед глазами. Я зажмурилась, сжимая виски, пережидая тошноту.

Когда открыла глаза — передо мной был лес. Чужой, тёмный, враждебный. Деревья стояли плотной стеной, их чёрные стволы уходили ввысь, переплетаясь ветвями в сплошной шатёр, почти не пропускающий свет. Я не знала этого места. Я никогда не была в этом лесу.

Я поморщилась от боли и дотронулась до кровоточащей раны на ноге. Пальцы коснулись горячей, липкой крови — и

только тогда я опустила взгляд на свою руку.

И замерла.

Это была не моя рука.

Я смотрела на неё и не узнавала. Пальцы — длинные, тонкие, с ногтями, под которыми забилась грязь и запёкшаяся кровь. На ладонях — жёсткие мозоли, как у человека, привыкшего работать руками. У меня никогда не было таких мозолей. Мои руки знали только клавиатуру, бумаги и чашку с чаем.

Я сжала кулак и тут же разжала. Пальцы двигались легко, послушно — они подчинялись мне, но я не узнавала их.

Медленно, боясь того, что почувствую, я провела пальцами по лицу. Скулы были острее, нос — чуть длиннее, с твёрдой горбинкой, которой у меня никогда не было. Губы — тоньше, не такие пухлые, как мои собственные.

Я провела рукой по голове, и пальцы утонули в длинных, спутанных прядях. Они падали на плечи, касались локтей. Я дёрнула одну прядь, поднесла к глазам — тёмно-русые, почти каштановые. Мои волосы были светлее. И короче. Намного короче. Я никогда не отращивала их ниже плеч, а эти доставали почти до пояса.

— Нет, — сказала я. — Нет, нет, нет.

Голос срывался, но это был не мой голос. Я слышала в нём чужую хрипотцу, чужую глубину. Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Больно. Слишком больно для сна.

— Это сон, — сказала я громче. — Я просто сплю. Я сей-

час проснусь.

Я зажмурилась. Посчитала до трёх. Раз — я дома, на диване, с книгой на коленях. Два — я чувствую запах мятного чая, тепло пледа. Три — я открываю глаза.

Ничего.

Лес не исчез. Серое, низкое небо по-прежнему нависало надо мной, ветер всё так же пронизывал до костей, а в груди разрасталась тяжесть, с каждой секундой становясь всё ощутимее. Я по-прежнему стояла в этом чужом, незнакомом теле, сжимая в кулаки чужие руки, и чувствовала, как по ногам стекает тёплая кровь.

— Это не сон, — прошептала я. Голос дрожал, срывался на хрип, но слова прозвучали отчётливо, как приговор. — Это не сон.

Я замерла на мгновение, переваривая эту мысль. А потом, стиснув зубы, попыталась встать. Ноги дрожали, колени подгибались, но мне удалось удержаться, вцепившись в шершавый ствол ближайшего дерева. Кора впилась в ладони, острые края царапали кожу.

Оттолкнувшись от ствола, сделала шаг. Второй. На третьем левую ногу пронзила острая боль — такая сильная, что перехватило дыхание. Я зашипела сквозь зубы и посмотрела вниз. Раны были свежими, глубокими, каждая пульсация отдавалась в висках.

Подняла голову и огляделась. Везде был только лес. Ни тропинок, ни просветов, ни выхода.

Я заставила себя остановиться и перевести дыхание. Последнее, что я помнила, — как закрывала книгу, чувствуя, что веки тяжелеют. Думала, что дочитаю завтра. А теперь я здесь. В этом лесу. В этом теле.

Я снова посмотрела на свои руки. Пальцы скользнули по длинным волосам, упавшим на плечи, — и я поняла, кому принадлежит это тело.

Лидия.

Та самая травница из книги. Лавка, травы, тихая жизнь на окраине города. И Альфа с жёлтыми глазами.

Неужели я попала в книгу?

Нет. Нет, это бред. Это невозможно. Книги — это просто истории, напечатанные на бумаге. Они не могут стать реальностью. Я не могла оказаться внутри книги. Такого не бывает. Это просто сон. Кошмарный, слишком реалистичный сон.

Но я стояла здесь, чувствуя, как холод пробирает до костей, как пульсирует боль в разодранной ноге. Слишком реально, чтобы быть сном. Слишком реально, чтобы отрицать.

Паника подкатила к горлу, но я заставила себя дышать. Глубоко. Ровно. Не сейчас. Не здесь.

— Я в книге, — прошептала я вслух. — Я в теле Лидии.

Голос прозвучал глухо, чуждо, и от этих слов по спине пробежал холодок. Но хуже холода было другое — осознание, которое пришло следом, тягучее и липкое, как смола.

Я помнила, от кого бежала Лидия.

Тот мужчина с жёлтыми глазами. Оборотень.

Я читала, как он возник из темноты, как смотрел на неё, как сказал: «Не бойся. Я не причиню тебе вреда». Но что дальше? Я не знала. Я закрыла книгу, потому что хотела спать, потому что думала, что это просто глупый роман. И теперь, оказавшись здесь, я понимала, что это было большой ошибкой.

Он был здесь. В этом лесу. Настоящий. Живой. И он искал её. Меня.

Мурашки побежали по коже, волосы на руках встали дыбом, хотя ветер давно стих. Пальцы дрожали, и как я ни пыталась сжать их в кулаки — они не слушались.

В голове пульсировала одна мысль, от которой становилось дурно: я не знала, что будет дальше. Я прочитала только часть книги. Может быть, в следующей главе Лидию находят мёртвой. Может быть, её раздирают на куски. Может быть, эта книга вообще не любовный роман, а книга ужасов, и я попала в неё как раз к кульминации.

Мне оставалось лишь надеяться. Надеяться, что у этой истории счастливый конец. Что Лидия — и теперь я — выживем в этом тёмном, сыром лесу, где даже птицы молчат. Потому что другого выхода не было.

А потом я услышала шаги.

Тяжёлые, медленные, уверенные. Кто-то шёл по лесу, ломая сухие ветки, и с каждым шагом звук становился ближе. Я не видела его, но чувствовала — он знает, где я.

Я не стала ждать, пока он появится. Я развернулась и пошла в другую сторону, стараясь ступать как можно тише. Каждый шаг отдавался болью в левой ноге, рана пульсировала, но я заставляла себя двигаться. Быстрее. Дальше. Подальше от этих шагов.

Ветки хлестали по лицу, ноги скользили на мокрой земле, дыхание сбивалось. Я не знала, куда иду. Я не знала, есть ли здесь выход. Я знала только одно — если я остановлюсь, он меня догонит.

Я шла, сжимая зубы, и думала о том, что в книге Лидия побежала. Она неслась по лесу, пока не упёрлась в каменную стену. Интересно, как ей это удалось с такой болью? Может, я просто слишком чувствительная? Или она была не из тех, кто ноет при малейшей царапине?

Я не знала. Я знала только, что не хочу повторять её путь. Не хочу быть загнанной в угол, как она. Не хочу, чтобы он вышел из темноты и навис надо мной, пока я прижимаюсь спиной к холодному камню. В книге это выглядело драматично. В реальности — это был бы тупик. Буквально.

Не знаю, какой автор написал эту историю и что у него в голове. Но я точно не собиралась следовать его сценарию.

Я вышла к небольшому ручью. Вода журчала по камням, тёмная и холодная, и я на мгновение замерла, глядя на неё. Если он оборотень, то чувствует запах. Я читала об этом в книгах — звериное чутьё не обманешь. Значит, нужно сбить след. Зайти в воду и идти по течению, чтобы вода унесла

запах.

Я шагнула в ручей. Холод пронзил ноги, и я зашипела сквозь зубы, когда вода коснулась ран. Боль была резкой, но я заставила себя идти. Медленно, переставляя ноги по скользким камням, стараясь не упасть. Течение подхватило меня, и я пошла вниз, туда, где лес расступался и становился светлее.

Спустя время ноги онемели от холода, и я перестала чувствовать раны — только глухую тяжесть в икрах и дрожь, которая поднималась всё выше, до самых рёбер. Намокший подол юбки облепил бёдра, противно лип к коже, а рана на икре потемнела, края её выглядели нехорошо, но я заставляла себя не смотреть туда. Просто идти, переставлять ноги, не думать о боли.

Я продолжала брести по воде, пока ручей не начал петлять, огибая деревья, а берега не стали подниматься. Тогда я решила, что прошла достаточно. Вода унесла запах, следы смыло — по крайней мере, мне хотелось в это верить.

Я выбралась на берег и сделала шаг, намереваясь уйти подальше от воды, но в ту же секунду из-за ближайшего дерева шагнула тень. Я не успела ни вскрикнуть, ни отшатнуться — просто замерла, чувствуя, что не могу пошевелиться. Ноги будто приросли к земле.

Он стоял прямо передо мной. В книге он описывался как высокий и опасный, но слова на бумаге — это одно, а видеть его здесь, вживую, лицом к лицу — совсем другое. Широ-

кие плечи, грубое лицо с острыми скулами, лёгкая щетина на подбородке. Одежда простая, тёмная, вся в пыли и мелких царапинах. Но главное — глаза. Жёлтые, как у хищника. В книге они описывались как злые, горящие. На самом деле они смотрели почти спокойно, без той явной угрозы, которую я ожидала увидеть. И в этом спокойствии было что-то, чего я не могла прочитать. Любопытство? Насмешка?

Я сглотнула. Горло пересохло, язык будто прилип к нёбу. Я хотела сказать что-то, но слова не шли. Он просто стоял и смотрел на меня, не двигаясь, не приближаясь.

— Как ты... — начала я, но он перебил.

— Вода не сбивает след, — сказал он. — Это работает только в сказках. Я чувствую тебя. Где бы ты ни была.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость — на себя. Начиталась фэнтези, насмотрелась фильмов про оборотней и поверила в эту чушь. Думала, что вода смоет запах, что он потеряет мой след. Как в дешёвых ужастиках, где героиня всегда уходит от монстра, потому что так надо сценарию. А он просто стоял и ждал, пока я выдохнусь, пока вымотаю себя до предела, пока сама не выйду к нему.

Он сделал шаг в мою сторону — медленно, без напряжения. Я попятилась, но не удержалась на мокрой земле — нога скользнула, и я начала падать. Вскрикнуть я не успела, только почувствовала, как мир накренился, а в следующее мгновение его рука перехватила меня за запястье — резко, но без грубости. Он дёрнул меня к себе, и я оказалась так близко,

что чувствовала его дыхание на своей коже. Я смотрела на его пальцы, сжимающие моё запястье. Они были горячими, шершавыми, и держали меня крепко, но бережно. Он не отпускал меня. Я подняла голову и встретилась с ним взглядом. Он смотрел на меня с тем же спокойствием, что и раньше, не отводя глаз. Мгновение мы стояли так, и я чувствовала его дыхание на своей коже. Потом он медленно разжал пальцы и отпустил меня, словно давая мне время решить, что делать дальше.

— Я не собираюсь причинять тебе вред, — сказал он. — Если бы хотел, ты была бы уже мертва.

Глава 3.

Я смотрела на него, пытаясь отдышаться. В груди бешено колотилось сердце, но я заставила себя не отводить взгляд. Внутри меня росла уверенность, что он заговорит — и произнесёт ровно то, что я ожидала. Те самые слова, что я читала в сотне книг. «Ты моя». «Я искал тебя». «Ты никуда не уйдёшь». Слова, которые превратили бы эту ситуацию в знакомый, предсказуемый сценарий. Я бы знала, что делать дальше. Я бы знала, чего бояться.

Но он молчал.

Я вглядывалась в его жёлтые глаза, пытаясь разглядеть в них злость или опасность. Там была только усталость — глубокая, тяжёлая, словно он нёс этот груз долгие годы. Я стояла перед ним и не знала, что делать. Я чувствовала, как тепло разливается по моим щекам, и надеялась, что он не заметит этого в вечернем лесу. Это была неловкость, злость на себя или что-то ещё — я не могла понять. Но я знала, что не хочу, чтобы он видел меня такой. Растерянной. Смущённой. Я опустила взгляд, а потом снова подняла его. Он всё так же смотрел на меня, не двигаясь, не отводя глаз. Тишина затягивалась. Она становилась невыносимой, и я не выдержала первой.

— Зачем ты гнался за мной? — спросила я.

Его взгляд не отрывался от моего лица. Секунды текли

одна за другой, и я чувствовала, как внутри нарастает напряжение. Я уже открыла рот, чтобы повторить вопрос, когда он наконец заговорил.

— Ты нужна мне, — сказал он.

Я ждала. Думала, он продолжит. Объяснит. Хотя бы намекнёт, зачем я ему понадобилась. Но он просто стоял и смотрел на меня, и я поняла: он не собирается ничего добавлять. Ему казалось, что этих трёх слов достаточно.

— Зачем? — спросила я.

— Я не хочу говорить об этом здесь, — сказал он, и я заметила, как его взгляд на мгновение скользнул по моим рукам. — Ты замёрзла до костей и почти не чувствуешь ног. Раны на ногах грязные, они могут загноиться. До города ты вряд-ли доберёшься — ты не знаешь, где он, и в какую сторону идти. Лес тебя запутал. А мой замок — за тем холмом. Полчаса, не больше. Там тепло, чистая вода, сухая одежда. Ты сможешь промыть раны, перевязать их, согреться. А потом я отвечу на все твои вопросы.

Он замолчал, давая мне время переварить услышанное. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри борется страх и здравый смысл. Он говорил правду — я понятия не имела, где город. Я бежала по лесу вслепую, не запоминая дорогу. Я даже не знала, с какой стороны пришла. Замок был ближе.

Но в голове засела мысль, от которой я не могла избавиться. Я подняла на него глаза.

— Если я тебе так нужна, — сказала я медленно, — по-

чему ты не пришёл в лавку? Как в прошлый раз. Зачем было гнаться за мной в лесу, пугать до смерти?

Он смотрел на меня. Я видела, как его челюсти сжались, как на секунду в жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение.

— Я приходил, — сказал он. — Дверь была заперта. Я стучал. Никто не открыл.

Я хотела возразить, но слова застряли в горле. Я не знала, было ли это правдой. Но в его голосе не было лжи.

— А потом я пошёл в лес по твоему следу. Я не собирался тебя пугать, я надеялся просто поговорить с тобой, попросить о помощи — как тогда, в лавке. Но когда ты меня увидела, ты сорвалась с места и побежала. Я крикнул тебе вслед, но ты не обернулась. Я бросился за тобой, хотел догнать, чтобы остановить, но ты бежала так, будто за тобой гналась сама смерть. Я видел, как ты спотыкаешься о корни, как ветки хлещут тебя по лицу, как ты падаешь и снова встаёшь, не глядя под ноги, просто несёшься вперёд. Я понял, что если так продолжится, ты разобьёшься или сломаешь шею. Тогда я превратился. Не затем, чтобы догнать тебя, а чтобы выбежать вперёд и преградить тебе путь. Я не хотел причинять тебе боль, я хотел, чтобы ты остановилась, пока не поздно.

Я слушала его и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое — не благодарность, нет. Скорее облегчение. Смешанное с растерянностью. Все мои страхи, все выдуманные сценарии, в которых он был чудовищем, а я — жертвой,

рассыпались как карточный домик. Он не хотел меня поймать. Он хотел меня остановить. Он не врал — я чувствовала это. И я чувствовала, что он не врёт.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Я пойду с тобой.

Он слегка склонил голову набок, принимая мой ответ, и развернулся. Я пошла за ним, глядя на его широкую спину, и чувствовала странную пустоту внутри. Шок прошёл. Страх остался, но притупился, сменившись чем-то похожим на усталое любопытство. Я всё ещё не верила в происходящее, но мозг, кажется, сдался — он перестал искать объяснения и просто принимал реальность такой, какая она есть. Возможно, я сошла с ума. Возможно, это всё — бред больного воображения, и я лежу где-нибудь в больнице с температурой. Но усталость накатывала тяжёлой волной, и мне уже не хотелось думать. Не хотелось искать логику в том, что её не имело. Я просто шла, стараясь не отставать и не стонать от боли.

Мы останавливались несколько раз — когда боль становилась невыносимой, я замирала, пытаясь перевести дух, и он сразу замедлял шаг, хотя я не издавала ни звука. Я не понимала, как он это замечал — я ведь шла за ним и не жаловалась. Может быть, по сбитому дыханию. Может быть, по тому, как я начинала припадать на ногу. Или просто чувствовал запах крови, который, несмотря на все попытки скрыть, выдавал меня с головой.

— Потерпи, — говорил он каждый раз, не оборачиваясь.

— Уже скоро.

Я смотрела на его спину и думала о том, что он совсем не похож на злодея из моей головы. Интересно, что у него случилось? Какая помощь ему нужна? Он говорил так, будто я — его последняя надежда, но не объяснял, в чём дело. Может быть, кто-то из его стаи болен? Может быть, нужны знания Лидии? Я не знала, и это незнание свербело где-то под рёбрами, но задавать вопросы не было сил. Они крутились в голове, пока я плелась за ним по мокрому лесу, но язык не поворачивался их произнести.

А потом пришла другая мысль, от которой похолодело внутри. Он ждёт, что я — Лидия. Что я знаю травы, умею лечить, разбираюсь в кореньях и настойках. А я ничего этого не умею. У меня нет её знаний. Что он скажет, когда поймёт, что я бесполезна? Когда увидит, что я не могу отличить лекарственное растение от ядовитого? Эта мысль кольнула острее боли в ноге, и я почувствовала, как внутри снова поднимается паника, но я заставила себя дышать ровнее. Я запретила себе думать об этом. Страх отодвинула в самый дальний угол, настолько далеко, насколько могла, и сосредоточилась на простом: переставлять ноги, дышать, не останавливаться. Сначала нужно добраться до замка. Потом — согреться и привести себя в порядок. А уж после этого разбираться с тем, что я ничего не знаю и не умею. Буду решать проблемы по мере поступления.

Нужно было отвлечься, переключиться на что-то другое.

Я подняла голову и посмотрела вперёд, на его фигуру, на то, как уверенно он движется между деревьями.

— Как тебя зовут? — спросила я. Голос прозвучал хрипло и неожиданно громко в тишине леса.

Он остановился, обернулся. Жёлтые глаза встретились с моими.

— Рейнард, — сказал он.

Я кивнула. Имя подходило ему — короткое, твёрдое. Он задержал на мне взгляд чуть дольше, чем нужно, и я заметила, как его глаза на мгновение скользнули по моему лицу, остановились на моей перевязанной ноге, а потом снова поднялись к глазам. В них мелькнуло что-то, чего я не ожидала — беспокойство. Он волновался за меня. Незнакомую женщину, которую видел второй раз в жизни. Это было удивительно и странно. Я не знала, что с этим делать.

— Идём, — сказал он. — Осталось недолго.

Через какое-то время лес начал редеть. Деревья расступались, открывая небо, и вскоре мы вышли из него. Я поражённо замерла.

Передо мной простиралась широкая долина, окружённая невысокими холмами, поросшими тёмным лесом. Она была живой — ровные поля, огороды, дорожки, протоптанные между домами. В низине, вдоль ручья, стояли дома — крепкие, рубленые, с каменными печными трубами, из которых поднимался ровный дым. Кто-то возился у колодца, кто-то нёс дрова, дети гоняли кур по двору. Здесь пахло хлебом,

дымом и влажной землёй. Это был не мрачный приют чудовищ. Это была обычная деревня, зажатая между лесом и горами.

Чуть выше, на пологом холме, возвышался замок. Он не был гигантским и не давил своим величием — скорее напоминал крепкую усадьбу с каменными стенами и несколькими башнями по углам. Он как будто вырастал из холма, вписываясь в него, и оттуда, сверху, открывался вид на всю долину. От замка к домам спускалась дорога, вымощенная камнем, и по ней поднималась женщина с корзиной. Жизнь здесь шла своим чередом.

Я стояла и смотрела на эту долину, и внутри меня смешивались удивление и недоверие. Я ожидала увидеть мрачное логово, полное теней и страха. А увидела мир, который жил своей жизнью. Люди здесь работали, растили детей, занимались хозяйством. И никто из них не выглядел как чудовище.

— Я не понимаю, — сказала я, не отрывая взгляда от открывшейся картины. — Как так вышло, что люди из города не знают о вас? Ведь это же совсем недалеко. Неужели никто никогда не забредал сюда случайно? Неужели ни один путник не видел эту долину?

Рейнард остановился рядом со мной и тоже посмотрел вниз. На мгновение мне показалось, что он смотрит на всё это с чем-то похожим на усталую нежность — как будто этот маленький мир был его домом, его заботой, его тяжестью. Но он быстро перевёл взгляд на меня.

— Ты задаёшь интересные вопросы, — сказал он. — Неужели ты не слышала в детстве легенду о том, как богиня леса полюбила оборотня?

Я растерянно кивнула, делая вид, что припоминаю эту историю из детства. Но на самом деле я слышала её впервые. Как и всё, что касалось этого мира.

— Она была юной, красивой и бессмертной, — продолжил он. — Он был сильным, диким, но когда они встречались в лесу, он становился мягче, смотрел на неё так, будто она была единственным светом в его жизни. Она дарила ему цветы, которые никогда не вяли, а он приносил ей мясо с охоты. Они любили друг друга так, как умеют только те, кому нечего терять. А потом она застала его с другой. С обычной девушкой из города. Смертной. Она стояла у ручья и видела, как он целует другую, как они смеются, как он касается её волос. И в тот момент что-то в ней сломалось. Она не стала проклинать его, не стала мстить. Она просто ушла. Но перед тем как исчезнуть, она поклялась: люди и оборотни не будут вместе. Никогда. Говорят, она до сих пор хранит эту клятву. И если человек пробует пройти слишком глубоко, лес начинает шептать ему: «Вернись. Здесь не твоё место». Многие слышали этот шёпот. И возвращались. Те, кто не слушал, пропадали. Их находили потом у самой опушки — запутанных, с пустыми глазами. Они не помнили, что с ними случилось. Но знали, что в лес нельзя. Навсегда.

Рейнард замолчал, и я почувствовала, как его слова по-

висли в воздухе. Лес за моей спиной, казалось, затаил дыхание. Я смотрела на тёмные вершины деревьев, которые он только что описывал, и думала о богине. О том, как она любила. Как страдала. Мне было жаль её. Наверное, она просто хотела, чтобы никто больше не испытывал того, что испытала она. Чтобы никто не знал такой боли. Или чтобы никто не любил так, как любила она.

Он молчал, давая мне время переварить услышанное. Я подняла голову — он смотрел на меня с любопытством, в котором пряталась надежда.

— Признаюсь, я сомневался, что ты сможешь дойти, — сказал он, и в голосе его прозвучала усталая откровенность. — Я ждал, что в какой-то момент ты остановишься, почувствуешь, как лес смыкается вокруг тебя, и повернёшь назад. И мне пришлось бы забирать тебя оттуда и тащить обратно в город, потому что сама бы ты не дошла. Я даже думал обернуться волком, чтобы доставить тебя быстрее.

Он смотрел куда-то вдаль, и я заметила, как его челюсть сжалась, а пальцы на руках напряглись. Когда он снова посмотрел на меня, в его взгляде не было ни тени сомнения.

— В городе говорят, что ты единственная, кто ходит в лес и возвращается. Я не знал, правда ли это, но теперь вижу — слухи не врали. Ты действительно не боишься того, чего боятся другие. И именно поэтому ты мне нужна.

Глава 4.

— Нужна? — сказала я, поворачиваясь к нему. — Но зачем? Ты так ничего и не объяснил.

Я пыталась разглядеть в его лице хоть какой-то ответ, но он просто стоял, глядя на меня своими жёлтыми глазами.

— Проще показать, — сказал он. — Пойдём.

Рейнард развернулся и пошёл вниз по тропе, ведущей к деревне. Я стояла, глядя на его широкую спину. Он сделал несколько шагов, остановился и обернулся.

— Ты идёшь?

Я шагнула за ним. Мы начали спускаться, и с каждым шагом я чувствовала на себе всё больше взглядов. Женщина у колодца замерла с ведром в руках, не отрывая от меня глаз. Мужчина с охапкой дров остановился и стоял не двигаясь, пока мы проходили мимо. Дети замерли на бегу, глядя на меня с любопытством и настороженностью. Кузнец вышел на порог, держа молот в опущенной руке, и проводил нас долгим взглядом. Пастух сбился с шага, овцы заметались, сбиваясь в кучу. Женщина с бельём застыла, не опуская рук, и смотрела на меня, пока мы не скрылись за поворотом.

Они смотрели на меня — без злобы, но с напряжением, которое можно было потрогать руками. Однако я шла рядом с Альфой, и никто не осмеливался заговорить или остановить нас. Только провожали глазами, пока мы проходили ми-

мо.

Мы пересекли всю деревню, и он не останавливался, пока мы не оказались у подножия холма, на котором стоял замок. Там он повернулся ко мне.

— Ты увидишь всё сама, — сказал он. — И тогда решишь, хочешь ли помогать.

Замок встретил меня тишиной. Тяжёлые дубовые двери открылись с низким скрипом, и мы шагнули внутрь. Мы оказались в просторном холле — каменные стены, высокий потолок с тёмными деревянными балками, узкие окна, пропускающие скудный серый свет. Но вместо сырости и холода, которые я ожидала, здесь было сухо и тепло. В углу, в большом каменном очаге, тихо потрескивал огонь, и его отсветы плясали на стенах. Пахло деревом, сухими травами и чем-то ещё — мёдом или воском. Где-то в глубине дома, наверное, на кухне, слышались голоса, звон посуды, плеск воды. Здесь пахло жизнью.

Я замерла на пороге, не веря своим глазам. Я ожидала увидеть мрачные каменные стены, холод, сырость — то, что описывали в книгах, когда речь заходила о логове оборотней. А увидела дом. Обычный дом, где кто-то живёт, греется у огня, ужинает. Это было так неожиданно, что я на мгновение потеряла дар речи.

Рейнард заметил моё замешательство и, кажется, понял его. В его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Ты ожидала другого? — спросил он.

Я не знала, что ответить. Потому что да, я ожидала другого. Я ожидала сырых подземелий, цепей на стенах, мрака и страха. А вместо этого увидела место, в котором хотелось остаться.

Я подняла на него взгляд, и в следующее мгновение заметила, что он стоит ближе, чем я думала. Всего на шаг. Он не прикасался ко мне, но я чувствовала его присутствие — тёплое, спокойное, как будто он хотел, чтобы я знала: я здесь не одна. И это было странно — чувствовать себя в безопасности рядом с тем, кого я должна была бояться.

— Я не знаю, что я ожидала, — сказала я честно.

Он кивнул, и его лицо снова стало серьёзным.

— Я знаю, что ты устала, — сказал он. — Ты ранена, ты замёрзла, ты не понимаешь, где оказалась. И я понимаю, что тебе нужен покой. Но сейчас я должен тебе кое-что показать. Ненадолго. А потом ты сможешь отдохнуть.

Я кивнула, соглашаясь.

— Идём, — сказал он. — Это не займёт много времени.

Я пошла за ним. Мы миновали холл, поднялись по широкой каменной лестнице на второй этаж и остановились у одной из дверей. Он тяжело вздохнул, словно собираясь с силами, и толкнул дверь. Я переступила порог следом.

Комната была небольшой, но ухоженной — на подоконнике зеленел горшок с живым растением, у кровати лежала раскрытая книга, на стуле висела аккуратно сложенная шаль. Но всё это казалось застывшим, словно время здесь остано-

вилось. На кровати лежала девушка. Ей было около семнадцати — бледная, худая, с тёмными кругами под глазами и слипшимися от пота волосами. Она дышала тяжело, с хрипом, и каждый вдох давался ей с трудом. Рядом с ней сидела немолодая женщина — она держала её за руку и смотрела на нас с усталой надеждой.

— Это моя сестра, — сказал он. — Ева.

Я смотрела на девушку, и чувствовала, как внутри всё сжимается от жалости. Она казалась такой хрупкой, такой юной. И сейчас она угасала, и никто не мог ей помочь.

Я перевела взгляд на него. Рейнард стоял у двери и смотрел на меня. И в его жёлтых глазах я прочитала то, что уже начала понимать. Он привёл меня сюда не просто так. Он думал, что я — Лидия. Что я знаю травы, умею лечить, могу найти ответ там, где другие сдались. Его взгляд был полон надежды — той, которая уже начала угасать, но ещё теплилась где-то глубоко внутри. Он ждал от меня спасения. А я понятия не имела, чем могу помочь. Я не знала трав, не знала болезней этого мира, не знала, как лечить тех, кто умирает.

— Что с ней случилось? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Рейнард перевёл взгляд на сестру, и я увидела, как его лицо напряглось, как будто он собирался с силами, чтобы говорить.

— Всё началось три недели назад, — сказал он. — Сначала просто слабость. Она говорила, что устаёт быстрее обыч-

ного, что ей трудно вставать по утрам. Мы думали, это просто переутомление — она много помогала в деревне, возилась с детьми, бегала с утра до вечера. Но через несколько дней она слегла. Сказала, что кружится голова, что не может встать. Лекари приходили, смотрели, качали головами. Никто не знает, что это. Травы, которые всегда помогали, не действуют. Она не просыпается уже третьи сутки.

Рейнард замолчал, и я услышала, как за окном ветер шевелит сухие листья. Где-то внизу хлопнула дверь, но здесь, в этой комнате, всё замерло.

— И не только она, — добавил он тише. — Ещё четверо из стаи лежат в таком же состоянии. Я боюсь, что это только начало. Что завтра их станет больше. А послезавтра я потеряю всех.

Он повернулся ко мне, и в его жёлтых глазах горела надежда, которую он не мог скрыть.

— Я не знаю, что делать, — сказал он. Голос его был тихим, почти беззвучным. — Она умирает, а я стою и смотрю. Я пришёл за тобой, потому что ты единственная, кто может помочь. Я знаю это. Я чувствую. Может быть, ты увидишь что-то, чего не видят другие. Может быть, ты знаешь траву, которую мы не пробовали. Я прошу тебя — просто посмотри. Просто скажи, сможешь ли ты помочь.

Я смотрела на него, потом на Еву, и чувствовала, как внутри всё сжимается. Он просил меня о том, что я не могла дать. Но я не могла сказать ему этого. Не сейчас. Не гля-

дя в его глаза. Подошла к кровати и села на край — подо мной скрипнуло дерево. Женщина, сидевшая рядом, отодвинулась, освобождая место. Я взяла Еву за руку — тонкую, почти прозрачную, с горячей, сухой кожей, как у человека, которого давно мучает жар.

Подняла голову и встретила его взгляд. Рейнард стоял у двери, не решаясь подойти ближе, но я видела, как он ждёт — напряжённо, затаив дыхание.

Я не знала, что делаю. Но я понимала одно: я должна что-то сказать. Должна дать ему хоть какую-то надежду. Потому что он смотрел на меня так, будто я была его последним шансом. И я не могла отнять это у него.

— Я попытаюсь помочь, — сказала я. — Но мне понадобятся травы. Не те, что вы уже пробовали. Другие. Я скажу, какие, когда посмотрю внимательнее.

Он кивнул, и я заметила, как его плечи чуть опустились — словно он наконец позволил себе выдохнуть.

— Конечно, — сказал он. — Всё, что скажешь.

Женщина, сидевшая рядом с Евой, снова взяла её за руку и тихо заговорила с ней, будто та могла слышать.

— Я провожу тебя, — сказал он.

Я с трудом поднялась с кровати. На мгновение мир качнулся, и я вцепилась в спинку, чтобы не осесть на пол. Я услышала, как он сделал шаг в мою сторону, и подняла голову. Рейнард уже был рядом — быстрее, чем я ожидала, но не касался меня. Он замер в полушаге, протянув руку, но не

дотрагиваясь, ожидая, когда я сама решу, нужно ли мне это. Я выпрямилась, сделала глубокий вдох и покачала головой.

— Всё в порядке, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Он не убрал руку. Просто стоял так, глядя на меня, и я чувствовала, как его взгляд изучает моё лицо, проверяет, не вру ли я. Он не спешил, не давил, но я знала — он ждал, чтобы убедиться, что я действительно в порядке.

— Ты уверена? — спросил он, и в его голосе я услышала тихую тревогу, которую он прятал под спокойствием.

— Да, — ответила я. — Я могу идти.

Он задержал взгляд на моём лице ещё на мгновение, потом медленно опустил руку и отступил к двери, пропуская меня вперёд. Мы вышли из комнаты, и он бесшумно притворил за собой дверь, оставляя Еву в той тягучей, болезненной тишине. Я шла за ним, замечая, что он шагал медленнее, чем раньше, будто приноравливаясь к моим шагам. Мы остановились у одной из дверей, и он толкнул её, пропуская меня вперёд.

— Здесь ты сможешь отдохнуть, — сказал он. — Скоро наберут ванну, тебе принесут чистую одежду и помогут обработать раны. Ужин тоже будет. Если что-то понадобится — скажи той, кто придёт. Она поможет.

Я переступила порог. Комната оказалась уютной — пахло сухими травами и цветами. Кровать с резным деревянным изголовьем, застеленная светлым бельём, стояла у стены. У

окна — широкая скамья, обитая тканью, с подушками. Окно было низким, почти до пола, и я невольно подошла к нему. За ним виднелась деревня — в домах уже зажигались огни, и они теплились в вечерних сумерках тёплыми жёлтыми точками. Камин тихо потрескивал, разгоняя полумрак. За ширмой в углу угадывалась ванна. Тишина, тепло, запах цветов и трав. Хотелось просто сесть на эту скамью, смотреть в окно и ни о чём не думать.

Я обернулась. Он всё ещё стоял в дверях, и я видела, как его взгляд смягчился, усталость смешалась с благодарностью, которую он не пытался скрыть.

— Спасибо, Лидия, — сказал он тихо. — За то, что согласилась. Отдыхай. Завтра будет трудный день.

Слова застряли в горле. Я ничего не сделала — только пообещала попытаться. Но для него этого оказалось достаточно.

Он задержался на мгновение, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал. Кивнул и вышел. Дверь закрылась, и я осталась одна. Тяжесть навалилась на плечи, тело гудело от напряжения, от всего пережитого за этот день. Хотелось плакать. Хотелось проснуться. Но это не было сном. Этот мир был настоящим. Это тело — моим. И завтра нужно было что-то делать.

Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Лес, деревня, дым над трубами. Всё это было реальным. А я была здесь не случайно — они ждали от меня спасения. А я

понятия не имела, как им его дать.

Глава 5.

Я проснулась от тихого шороха. Кто-то возился у камина — там, где ещё вчера горел огонь, а теперь лежал лишь пепел и холодные угли. Воздух в комнате был сырым и колючим, он пробирался под одеяло, касался кожи. Я села на кровати и некоторое время просто сидела неподвижно, глядя в окно. Вчерашний день казался сном — диким, нелепым сном, который не мог случиться со мной. Но боль в ноге, тупая и пульсирующая, и этот чужой запах трав в комнате — всё напоминало: это было по-настоящему.

— Доброе утро, — раздался мягкий голос.

Я обернулась. У камина стояла девушка, что приходила вчера вечером. Она опустилась на колени перед очагом, подкладывала сухие ветки, раздувала огонь. Тонкие языки пламени лизнули кору, и по комнате побежали тёплые отсветы, разгоняя сырость и полумрак. Вчера она помогала мне с ванной, принесла ужин, молчаливо и заботливо, не задавая вопросов.

— Я принесла завтрак и чистую одежду, — сказала она, не оборачиваясь. — Если хочешь, помогу перевязать рану.

Я перевела взгляд на низкий столик у камина. На нём стоял поднос: глиняная кружка, от которой поднимался пар, миска с кашей, и крендели, посыпанные сахаром.

Девушка выпрямилась, отряхнула руки и только тогда по-

вернулась ко мне. Вчера вечером я почти не рассматривала её — была слишком вымотана и напугана. Теперь я видела её лицо: мягкое, с тёплыми карими глазами и лёгкой улыбкой.

— Меня зовут Альма, — сказала она. — Вчера я не представилась, прости. Рейнард сказал, что ты будешь здесь какое-то время, и я должна помочь тебе.

— Лидия, — ответила я, и имя прозвучало непривычно.

Альма кивнула и подошла к кровати.

— Давай посмотрю ногу.

Она аккуратно размотала повязку. Её пальцы двигались легко, без лишней суеты. Рана выглядела лучше, чем вчера, хотя вокруг ещё сохранялась краснота. Альма промыла её, наложила свежую мазь с резким, травяным запахом и перевязала чистой тканью.

— К завтрашнему дню будет лучше, — сказала она, закрепляя повязку. — Главное — не нагружать.

Я кивнула и взяла кружку с горячим чаем. Тёплая жидкость разлилась по телу, прогоняя остатки сна.

— Рейнард уже ждёт меня?

Альма кивнула. Я заметила, как по её лицу скользнула тень — та же усталость, что я видела вчера в глазах Рейнарда.

— Он почти не спит, — сказала она тихо. — Всё время у Евы или среди других больных. Но сейчас он не один. С ним Варг, его бета.

Она задержала взгляд на мне, словно проверяя, слушаю ли я.

— Будь осторожна, — добавила она тише. — Варг не из тех, кто рад чужакам. Он будет следить за каждым твоим движением, искать ошибку. Он не верит в помощь извне. И не скрывает этого.

Я слушала её и чувствовала, как внутри разрастается тяжёлое, липкое беспокойство. Вот и первые недовольные моим появлением — не те, кто смотрит с надеждой, а те, кто видит во мне угрозу. Я ещё не встретила его, но уже чувствовала, что он не просто недоволен — он будет искать способ избавиться от меня.

Я допила чай и поставила кружку на стол. Альма молча подала мне одежду — простое платье из мягкой ткани, чистое, пахнущее сухими травами. Когда она затягивала шнуровку на моей спине, я поймала себя на мысли, что чувствую странную благодарность к этой девушке. Она не знала меня, не знала, что я не та, за кого себя выдаю. Она просто делала свою работу. Но её прикосновения были осторожными, почти заботливыми, и я поняла, что в этом мире, полном страха, Альма стала первым человеком, от которого я почувствовала тепло. Я не привыкла к такой заботе. Или забыла, как она ощущается — когда кто-то просто помогает, не задавая вопросов, не ожидая награды. От этого внутри стало немного легче, но в груди всё ещё сидел страх, пришедший вместе с её предупреждением.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я тихо. — Ты ведь даже не знаешь меня. Но ты предупреждаешь о Варге,

смотришь на меня так, будто тебе не всё равно. Почему?

Альма задержала руки на шнуровке, потом продолжила затягивать.

— А зачем мне знать тебя, чтобы помочь? — ответила она. — Ты здесь, ты ранена, ты напугана. Я вижу это. Всё остальное не имеет значения.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое. Её слова были простыми, без пафоса. Она не ждала от меня ничего. Ни благодарности, ни ответа. Просто помогала, потому что могла.

И в этот момент я сделала то, чего не планировала. Шагнула вперёд и обняла её. Неловко, внезапно, но от всего сердца. Альма замерла на мгновение — я чувствовала, как она напряглась, как будто не ожидала такого жеста, — но потом её руки осторожно коснулись моей спины, чуть сжали, будто она тоже нуждалась в этом тепле.

— Всё будет хорошо.

Я не знала, будет ли. Но в этот момент я верила ей.

Альма отстранилась первой, но её руки задержались на моих плечах на мгновение дольше, чем нужно. Она посмотрела на меня внимательно, будто проверяя, всё ли со мной в порядке, и кивнула сама себе, удовлетворённая тем, что увидела.

— Идём, — сказала она тихо и первой направилась к двери.

Я шагнула за ней. Мы вышли в коридор, и он встретил нас

прохладой и полумраком. Альма шла впереди, я — за ней, стараясь держать спину прямо. Где-то внизу хлопнула дверь, раздался смех, но здесь было тихо.

— Я не хочу видеть Варга, — сказала я.

Альма не обернулась. Шаг её стал чуть медленнее, и я заметила, как её плечи напряглись.

— Я тоже, — сказала она тихо. — Поэтому подожду тебя под дверью.

Она не стала объяснять. Я чувствовала, что за её словами стоит что-то большее, но не стала спрашивать. У неё явно были на то причины — и я не хотела заставлять её говорить о том, что она не готова открыть.

Альма остановилась у двери и кивнула мне. Я глубоко вздохнула, положила руку на холодную поверхность и толкнула тяжёлую створку.

Первое, что я увидела, — свет, проникающий через узкое окно и падающий на каменный пол бледными полосами. Ева лежала неподвижно, такая же бледная, как вчера. Её руки были вытянуты вдоль тела, и только слабое, прерывистое дыхание выдавало, что она ещё жива. Рядом с ней, у изголовья, стоял Рейнард. Он обернулся, когда я вошла, и в его взгляде мелькнуло облегчение.

Я шагнула вперёд, но в следующее мгновение почувствовала на себе тяжёлый взгляд. В кресле у стены сидел мужчина. Он не поднялся, когда я вошла, не кивнул и не произнёс ни звука. Просто смотрел на меня из-под нависших бро-

вей — холодно, пристально, почти лениво. Широкие плечи, жёсткое, грубое лицо с глубокими шрамами, короткие тёмные волосы. Я узнала его по описанию Альмы. Это был Варг. Его взгляд ощущался как прикосновение — липкое, неприятное, от которого хотелось отодвинуться. Он не торопился говорить, только медленно окинул меня взглядом, задерживаясь на перевязанной ноге, потом снова на лице, и на его губах появилась усмешка, больше похожая на оскал.

— Так это и есть та самая травница? — спросил он. — Она выглядит так, будто сама едва держится на ногах. Ты уверен, что она сможет помочь, Рейнард? Или ты привёл её, чтобы она умерла здесь же, рядом с твоей сестрой?

Рейнард шагнул вперёд, и я заметила, как его голос стал твёрже:

— Варг. Выйди.

Варг не двинулся с места. Только перевёл взгляд с меня на него, и в его глазах мелькнула усмешка.

— Я только хотел познакомиться.

— Ты познакомился, — сказал Рейнард. — Теперь выйди.

Варг медленно поднялся, задержался на мгновение, глядя на меня, и направился к двери. У порога он обернулся.

— Удачи, травница.

Он вышел. Дверь закрылась, и я почувствовала, как напряжение начинает отпускать плечи. Рейнард подошёл ближе и остановился рядом со мной.

— Ты как? — спросил он тихо. — Хорошо спалось?

— В порядке, — ответила я. — Спасибо.

Он кивнул, помедлил мгновение, словно хотел что-то добавить, но передумал. Вместо этого он подошёл к окну, поправил занавеску, пропуская больше света, и повернулся ко мне.

— Расскажи мне, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Чем вы пытались её лечить? Какие травы, настойки, коренья? Я должна знать, что уже пробовали, чтобы не повторять ошибок.

Рейнард задержал на мне взгляд. Потом молча подошёл к шкафу у стены, достал несколько глиняных банок и поставил их на стол передо мной. Рядом легли два свёртка с сухими травами.

— Это всё, что осталось, — сказал он. — Лекари приносили свои снадобья, пробовали, уходили. Я не знаю, что здесь. Если хочешь, ты можешь потом поговорить с ними сама. Они расскажут, что давали и в каких пропорциях. Но это… — он кивнул на стол, — это то, что не выбросили.

Я подошла ближе, провела пальцами по краю банки, не открывая её.

— Я посмотрю, — сказала я. — Если не возражаешь.

Он кивнул, и я заметила, как его плечи чуть опустились.

— Мне нужно уладить кое-какие дела, — сказал он, и я заметила, как его взгляд на мгновение задержался на мне, будто он колебался. — Если будут вопросы — обращайся к Альме. Она знает, где меня найти.

Он шагнул к двери, но у порога остановился и обернулся.

— Извини, что оставляю тебя, — сказал он тише. — Увидимся позже.

Он вышел, и я осталась одна. Тишина опустилась на комнату, нарушаемая только слабым дыханием Евы. Я смотрела на закрывшуюся дверь, и в груди всё ещё держалось тепло от его последних слов. Он не должен был извиняться. У него не было на это причин. И всё же он это сделал.

Я перевела взгляд на стол, где ждали банки с травами. Там, среди глиняных сосудов и свёртков, лежали ответы, которые я должна была найти.

Я взяла первую банку. Она была лёгкой, и крышка поддалась без усилия. Внутри оказалась серая, сухая пыльца с мелкими, почти незаметными вкраплениями. Запах был горьким и сухим, он обжигал ноздри, заставляя на мгновение задержать дыхание.

Я придвинула банку ближе к лицу и снова вдохнула.

— Горькая полынь, — сказала я, и в груди разлилось странное спокойствие. — Она используется при лихорадке и воспалениях. Но её нельзя давать в больших количествах. И долго тоже нельзя — она ослабляет организм.

Я замерла, всё ещё держа банку в руках. Слова, которые я только что произнесла, звучали так уверенно, будто я повторяла их сотни раз. Но я никогда не видела полынь. Никогда не держала её в руках.

Значит, это не моё знание. Это знание Лидии. Настоящей

Лидии — той, чьё тело я носила, чьими руками я сейчас касалась этих банок. И если её память всё ещё живёт во мне, если руки помнят то, чего не знает голова, значит, у меня есть шанс. Я смогу помочь Еве. И, может быть, всей стае. Я не знала, сколько ещё воспоминаний хранит это тело. Но я была готова узнать.

Глава 6.

Я перебрала всё, что осталось на столе. Одну за другой я открывала банки, вдыхала запахи, вглядывалась в содержимое — и с каждым разом слова приходили сами, всплывали откуда-то изнутри, будто кто-то шептал их мне на ухо. Корень девясила, зверобой, кора ивы, ромашка, чабрец. В какой-то момент я перестала удивляться и просто позволяла этому происходить.

Когда закончила, откинулась на спинку кресла и посмотрела на разложенные передо мной банки и свёртки. Список того, что давали Еве, был длинным, но я уже начала замечать странную закономерность. Некоторые составы явно не подходили для её состояния. Другие, хотя и были полезными сами по себе, в сочетании с тем, что давали следом, могли только ослабить организм.

Не знаю, было ли это недосмотром лекарей, их неопытностью или чем-то более серьёзным. Но то, что я видела, вызывало во мне глухую тревогу. Возможно, я ошибалась. Возможно, в этом мире травы действуют иначе. Но что-то внутри подсказывало мне: здесь что-то не так.

Я взяла лист бумаги и уголь, который лежал рядом, и начала записывать. Названия, которые всплывали в памяти, я выводила на бумагу одну за другой. Я дописала последнее слово и отложила уголь. Лист был исписан неровными, то-

ропливыми строчками. Я смотрела на них и чувствовала, что здесь скрывается что-то важное. Я не знала, как сложить все кусочки воедино. Но я знала: если я увижу полную картину, то пойму, что на самом деле происходит с Евой. И, возможно, со всей стаей.

Мои выводы могли быть ошибочными — я не знала, откуда берутся эти знания и можно ли им доверять. Поэтому я решила пока не делиться ими ни с кем. Сначала мне нужно было поговорить с теми, кто лечил Еву. Услышать их точку зрения. Посмотреть, что скажут они.

Я сложила записи и спрятала их в карман платья. Посмотрела на Еву — на её бледное лицо, на почти невесомое дыхание — и пообещала ей тихо, больше для себя, чем для неё:

— Я разберусь.

В коридоре меня ждала Альма. Она подняла на меня вопросительный взгляд.

— Мне нужно увидеть лекарей, — сказала я. — Тех, кто лечил Еву. Ты знаешь, где их найти?

Альма кивнула, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Знаю. Они живут в деревне, у самой опушки. Старший — Эрнст, он уже много лет лечит стаю. Младший — Томас, его ученик, но говорят, он тоже знает толк в травах. Я провожу тебя.

Я кивнула, и мы двинулись по коридору. Выйдя из замка через боковую дверь, я снова оказалась на свежем воздухе.

Деревня просыпалась — слышались голоса, стук топора, лай собак.

— Они живут там, — Альма показала рукой на крайний дом у леса, чуть поодаль от остальных. — Эрнст не любит шума. Говорят, он стар и устал, но работу не бросает.

Мы подошли к дому. Он был крепким, но скромным — сложен из тёмного камня, с низкой дверью и единственным окном, выходящим на лес. Света внутри почти не было видно. Альма остановилась и взглянула на меня.

— Я подожду здесь, если не возражаешь. Не хочу смущать своим присутствием. Если что, я рядом.

Я кивнула, сделала шаг к двери, чувствуя волнение, и постучала. Тишина. Потом шаги, медленные, тяжёлые. Дверь открылась, и на пороге появился пожилой мужчина. Глубокие морщины, седые волосы, внимательные, выцветшие глаза. Он посмотрел на меня с короткой, изучающей задержкой.

— Ты, наверное, та самая травница из города, — сказал он, и голос его звучал хрипло, спокойно, без удивления. — Рейнард говорил, что ты можешь прийти. Проходи.

Внутри было сумрачно и пахло старым деревом. За длинным столом сидели ещё один мужчина — помоложе, с острыми чертами лица и внимательными глазами, которые сразу уставились на меня. Перед ним лежали книги, банки с травами, какие-то записи.

— Вы, должно быть, та самая травница из города?

— Да, — ответила я. — Я хотела бы поговорить с вами о

том, чем вы лечили Еву. Узнать, что именно вы ей давали и в каких дозировках.

Старший нахмурился, переглянулся с младшим. Его взгляд был тяжёлым, недоверчивым, как у человека, который не привык, чтобы кто-то проверял его работу.

— Мы делали всё, что было в наших силах, — сказал он. — Если ты думаешь, что сможешь сделать лучше — вперёд. Но я предупреждаю: мы пробовали всё. Каждый корень, каждую настойку. Ничего не помогло.

— Я не сомневаюсь, что вы старались, — ответила я, стараясь сохранять спокойствие. — Но я должна понять, что именно вы давали, чтобы не повторять ваших ошибок. Если у вас есть записи — я хотела бы их увидеть.

Старший скрестил руки на груди и посмотрел на меня с вызовом. Младший потянулся к стопке бумаг, но старший остановил его жестом.

— Записи у нас есть, — сказал он, и в голосе его послышалось что-то новое, похожее на усмешку. — Но ты сможешь их прочитать? У нас здесь не городская грамота.

Я выдержала его взгляд, чувствуя, как внутри поднимается раздражение . Он проверял меня. Хотел увидеть, как я отреагирую. Я не отвела глаз. Просто ждала. И он, выдержав паузу, кивнул младшему. Тот поднялся, подошёл ко мне и протянул стопку бумаг.

— Вот, — сказал он тихо. — Здесь всё, что мы давали.

Я взяла бумаги и начала перелистывать, чувствуя на себе

их взгляды. Страницы были исписаны неровным, торопливым почерком — кто-то явно вносил записи второпях, иногда прямо на полях, стирая и переписывая дозировки. Я пробегала глазами строчки: названия трав, количество ложек, дни приёма. Я видела те же названия, что уже встречала в банках, но здесь они складывались в картину.

Я перечитывала, запоминая. Полынь — по утрам, три дня подряд. Корень девясила — вечером, после отвара из зверобоя. Кора ивы — через день, вместе с ромашкой. Всё было перемешано в странном порядке, без видимой системы. И когда я пролистала все бумаги до конца, у меня осталось ощущение, что я держу в руках не рецепты лечения, а хаотичный перечень того, что пробовали наугад, от отчаяния.

Я оторвалась от записей и посмотрела на лекарей.

— Вы давали полынь утром и корень девясила вечером, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Но в такой последовательности они не помогают — они нейтрализуют друг друга. Полынь вытягивает силу, девясил восстанавливает. А вы давали их почти одновременно. Она не получала ни того, ни другого. Кому принадлежал этот план лечения?

— Ты пришла сюда, чтобы учить меня лечить? — спросил он, и в голосе его послышалась глухая насмешка. — Я лечу эту стаю сорок лет. Я видел болезни, о которых ты даже не слышала. И если я сделал что-то не так — то только потому, что ни одна книга не учит, как лечить то, чего никогда не было.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Он не просто защищался — он нападал, прячась за годами опыта и усталостью. Я не знала, что именно скрывалось за его словами, но чувствовала, что продолжать этот разговор бесполезно.

— Я не пришла учить вас. Я пришла понять. И если вы не хотите говорить — я не буду настаивать.

Держа бумаги в руках, я направилась к двери. У порога обернулась. Эрнст стоял у стола, не двигаясь, и я видела, как напряжены его плечи. Томас поднял на меня взгляд и сразу опустил глаза. Дверь за мной закрылась с глухим стуком.

Альма поднялась со скамьи, на которой ждала, и подошла ко мне.

— Ну что? — спросила она тихо.

— Они что-то скрывают, — сказала я. — Я не знаю, что именно, но чувствую это.

Я сжала бумаги в руках, чувствуя, как внутри зарождается решимость. Они не хотели говорить. Но это значило только одно — я должна была узнать правду сама.

— Что будем делать? — спросила Альма, и в её голосе я услышала не просто любопытство, а готовность помочь.

— Мне нужно время, чтобы изучить это, — сказала я, сжимая бумаги в руках. — И ещё… мне нужно увидеть других больных. Не только Еву. Может быть, я смогу понять, что их объединяет.

Альма кивнула, и я заметила, как её взгляд стал серьёзнее.

— Их четверо, — сказала она. — Они лежат в отдельных комнатах, в восточном крыле. Я могу провести тебя к ним, если хочешь.

Я хотела сказать «да», но она заговорила снова, чуть мягче:

— Но Рейнард просил, чтобы ты пришла в большой зал. Сейчас как раз время общего сбора. Мы собираемся перед обедом — это наша традиция. Обсуждаем дела, решаем вопросы. Он хочет представить тебя стае. И… — она помедлила, глядя мне в глаза, — лучше не опаздывать. Это покажет, что ты принимаешь наши порядки.

Я сглотнула, чувствуя, как внутри поднимается тревога. Мысли о большом зале, наполненном незнакомыми лицами, о взглядах, которые будут изучать меня, — всё это давило на плечи, заставляя сердце биться чаще. Я не была готова к этому. Но я понимала: если я хочу понять, что здесь происходит, я должна их увидеть. Варга с его тяжёлым взглядом, стаю, которая сейчас решает, кто я — своя или чужая. Я должна была знать, кто на стороне Рейнарда, а кто ждёт его ошибки. Я кивнула, стараясь унять дрожь в руках. Страх никуда не ушёл, но он перестал быть главным. Я не могла прятаться. Я должна была войти в этот зал и посмотреть им в глаза.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда сначала зал. А потом — больные.

Альма кивнула и, развернувшись, повела меня обратно в замок. И я пошла за ней, готовясь к тому, что увижу.

Мы прошли через главный вход замка, и я впервые увидела его внутреннее убранство при свете дня. Высокие сводчатые потолки, каменные стены, вдоль которых висели гобелены с тёмными, почти неразличимыми узорами. Где-то в глубине слышались голоса, звон посуды, смех — жизнь, которая шла своим чередом, не замечая моего страха. Альма уверенно вела меня по широкому коридору, и я старалась запоминать повороты. Если мне придётся искать выход, я должна знать, куда идти. Она остановилась перед высокими деревянными дверями, украшенными резьбой. За ними слышался гул голосов — десятки голосов, смешанных в единый шум. Альма повернулась ко мне.

— Ты готова?

Я глубоко вздохнула.

— Нет. Но я всё равно войду.

Она кивнула и толкнула дверь.

Внутри было шумно и людно. Длинные столы тянулись вдоль стен, за ними сидели мужчины и женщины — кто-то ел, кто-то пил, кто-то переговаривался вполголоса. Воздух был густым от запаха хлеба, жареного мяса и дыма из очага. Я чувствовала, как десятки глаз уставились на меня, как кто-то перешёптывается, указывая в мою сторону. Я держала спину прямой, но внутри всё дрожало.

В центре зала, за главным столом, сидел Рейнард. Он выглядел иначе, чем в коридоре или у постели сестры — здесь, среди своих, он казался собраннее, могущественнее, словно

сам воздух вокруг него становился плотнее. Широкие плечи, прямая осанка, взгляд, который, казалось, видел всё и всех. Когда я вошла, он поднялся, и я заметила, как его глаза на мгновение задержались на мне. Он не просто посмотрел — он изучал меня, медленно скользя взглядом по лицу, по тому, как я стою, как держу спину. Как будто проверял, всё ли со мной в порядке, не случилось ли чего с тех пор, как он оставил меня утром. Я отвела взгляд, чувствуя, как щёки начинают теплеть.

Рядом с ним сидел Варг. Он не поднялся, не улыбнулся. Просто смотрел на меня с той же тяжёлой усмешкой, что и утром. Я постаралась не обращать на него внимания, но чувствовала, как его взгляд давит на меня.

Я остановилась перед Рейнардом. Его лицо на мгновение смягчилось — он не сказал ни слова, но я поняла: он заметил, как я держусь, и одобряет это.

Тишина разлилась по залу, тягучая и плотная. Голоса стихли, и я чувствовала, как десятки взглядов скрестились на мне — одни любопытные, другие настороженные, третьи откровенно враждебные. Я старалась дышать ровно, не опускать головы, не смотреть в сторону Варга. Рейнард подождал, пока я остановилась перед ним, и заговорил — громко, так, чтобы слышали все.

— Вы знаете, что уже шестеро больны. Болезнь пришла в наши дома, и мы не знаем, как с ней бороться. Но я нашёл ту, кто может помочь. Лидия — травница из города. Она со-

гласилась прийти и попытаться спасти нашу стаю.

Я смотрела на него и чувствовала, как его слова ложатся на меня тяжестью. Он говорил обо мне так, будто я была его последней надеждой. Я хотела сказать что-то, но не успела — из-за стола поднялся Варг. Он не торопился, не повышал голоса, но его движение было таким, что все головы повернулись к нему.

— Ты привёл её в наш дом, — сказал он, глядя на Рейнарда. — Но почему мы должны верить ей? Она человек. Она пришла из города. Мы не знаем её, не знаем, кому она служит. Что, если она здесь не для того, чтобы помочь, а чтобы убедиться, что болезнь сделает своё дело?

Его слова повисли в воздухе, и я почувствовала, как взгляды присутствующих стали тяжелее. Я видела, как некоторые люди за столами переглянулись, как напряжение начало расти. Рейнард шагнул вперёд, заслоняя меня собой.

— Ты говоришь о том, чего не знаешь, Варг. Она не враг. И я не позволю тебе делать из неё угрозу.

Варг усмехнулся, но не стал спорить. Только перевёл взгляд на меня, и я снова почувствовала тот холодный, колючий взгляд, который он прятал за улыбкой.

— Пусть она докажет, что не враг, — сказал он, и голос его звучал ровно, почти спокойно, но в нём слышалась сталь. — Стая должна знать, что та, кому доверяют наши жизни, не ошибётся. Если она сможет вылечить кого-то из наших — я первый признаю её помощь. Если нет — мы все должны

будем решить, стоит ли рисковать дальше.

Он сел, и я поняла: он не просто проверял меня. Он обращался к стае, напоминая им, что они имеют право сомневаться. Он не приказывал, не требовал — он просто дал им повод думать. Это было хуже, чем открытая угроза. Это было тонко. И я чувствовала, что теперь на мне лежит не только надежда Рейнарда, но и внимание всей стаи. Я сделала шаг вперёд и посмотрела на Варга, потом на Рейнарда, потом на всех, кто сидел за столами.

— Я не прошу верить мне на слово, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я прошу дать мне шанс доказать, что я могу помочь. И я это сделаю.

Я говорила это, чувствуя на себе взгляд Рейнарда. Он не смот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.